

VOICES FROM THE WARSAW GHETTO

Writing
Our History

Содержание

<i>С. Д. Кассов. Вступление</i>	9
<i>Хронология</i>	19
<i>Д. Г. Роскис. Предисловие</i>	29
<i>Эммануэль Рингельблюм. «Ойнег Шабес»</i>	72
<i>Владислав Шленгель. Телефон</i>	107
<i>Йозеф Кирман. Говорю тебе прямо, дитя</i>	112
<i>Шимон Хубербанд. Фольклор гетто</i>	117
<i>Перец Опочиньский. Дом №21</i>	132
<i>Лейб Голдин. Хроника одного дня</i>	168
<i>Хаим А. Каплан. Из «Свитка страдания»</i>	193
<i>Геля Секштайн. наброски углем и акварелью (1939–1942)</i>	228
<i>Хенрика Лазоверт. Маленький контрабандист</i>	235
<i>Стефания Гродзенская. Хиршик</i>	238

<i>Ицхок Каценельсон. Песня голода</i>	
и Песни холода	240
<i>Рабби Калонимус Шапиро. Из «Священного огня»</i> ..	245
<i>Авраам Левин. Из записных книжек</i>	
и «Дневника великой депортации»	254
<i>Израиль Лихтенштейн. Завещание</i>	267
<i>Геля Секштайн. Что мне сказать,</i>	
о чем попросить... ..	270
<i>Иешуа Перле. 4580</i>	273
<i>Владислав Шленгель. Вещи и Контратака</i>	285
<i>Маор. Гетто в огне</i>	294
<i>Рахель Ауэрбах. Изкор, 1943 год</i>	306

*Памяти Лейба и Эстер Рохман,
двоих из тех, кто выжил*

Вступление

Сэмюэл Д. Кассов

Участники группы «Ойнег Шабес» не питали надежд уцелеть, но верили в свою миссию. Они вели битву за память, и оружием их были перо и бумага. Учитель Рингельблюма, историк Ицхок Шипер, сказал в Майданеке собрату по несчастью: об истребленных народах известно лишь то, что соизволили рассказать их убийцы. И участники «Ойнег Шабес» сделали все, что в их силах, дабы не оставлять последнее слово за немцами.

В последние недели и месяцы жизни они утешались мыслью, что однажды их послания отыщут и человечество услышит голос совести. Эти известия потрясут мир, помогут изменить его к лучшему. Когда Рингельблюм попросил Густаву Ярецкую описать облавы на варшавских улицах в 1942 году, она выразила надежду, что ее слова «вставят не палку, а целое бревно в колесо

истории»¹ и ужасы, которые она видела, никогда не повторятся. В августе 1942 года семнадцатилетний Давид Грабер написал в своем последнем свидетельстве перед тем, как устроить первый тайник с архивом: «Мы схороним в земле то, о чем не смогли прокричать, прорыдать миру... Хотел бы я увидеть тот миг, когда это великое сокровище откопают и оно огласит миру правду. Чтобы мир узнал обо всем. Чтобы порадовались те, кто не дожил, а мы почувствовали бы себя ветеранами с медалями на груди. Мы стали бы отцами, учителями и наставниками будущего»².

Можно смело сказать, что надежды Давида Грабера так и не сбылись. Сплоченная группа соратников, которую удалось создать Рингельблюму, не стала «учителями и наставниками» будущего. Даже в 1970–80-е, когда о Холокосте заговорили, об архиве почти не вспоминали. Прошло немало времени, прежде чем сочинениями «Ойнег Шабес» наконец заинтересовались читатели и исследователи. Но все равно до конца 1980-х работ по этой теме появлялось очень мало. Даже сейчас история «Ойнег Шабес» широкой публике практически неизвестна.

1 [Gustawa Jarecka] «The Last Stage of Resettlement Is Death» // To Live with Honor and Die with Honor: Selected Documents from the Warsaw Ghetto Underground Archives «O. S.» (Oyeg Shabbath). Jerusalem: Yad Vashem, 1986, 704. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.*

2 Kassow S. D. Who Will Write Our History? Emanuel Ringelblum, the Warsaw Ghetto, and the Oyeg Shabes Archive. Bloomington: Indiana University Press, 2007, 3.

Почему же так случилось?

Прежде всего, надо понимать, что немцы истребили миллионы польских евреев, которые лучше всех поняли бы дух и стремления «Ойнег Шабес» — многоязыких читателей, в равной степени владевших идишем, ивритом и польским. Даже потерпев поражение, Гитлер все-таки выиграл войну против восточно-европейских евреев, которых нацисты особенно ненавидели как биологический и культурный костяк мирового еврейства. До Второй мировой войны ни одна еврейская община не обладала таким национальным самосознанием и не подарила миру так много произведений культуры, как польские и литовские евреи, и это несмотря на растущие политические и экономические сложности — даже, пожалуй, вопреки им. «Ойнег Шабес» стал продолжением этой довоенной культурной традиции, в которой еврейские историки были передовыми бойцами, защищавшими честь евреев и отстаивавшими их права оружием своего ремесла.

Рингельблюм и «Ойнег Шабес» черпали вдохновение в довоенной деятельности Исследовательского института идиша (YIVO), основанного в 1925 году в Вильно. Институт призывал евреев знакомиться со своей историей, собирать документы, создавать архивы, которые позволили бы эту задачу решить. Народу без армии и государства в особенности необходимо самосознание и самоуважение. YIVO хотел изучать евреев как живую общину, и делать это на идише, языке народных масс. Важным считалось все, что имело

отношение к евреям: их история, их фольклор, их кухня, их юмор, как они воспитывают детей, какие песни поют. Свободный от ограничений традиционной науки, YIVO объединил различные дисциплины: психологию, историю, фольклористику, лингвистику, литературоведение, и все это для того, чтобы изучать жизнь всей еврейской общины, а не только историю элиты — раввинов и интеллектуалов. YIVO объединил ученых и простых евреев. Такая история, написанная народом и для народа, на основе изучения прошлого и настоящего закладывала основу лучшего будущего.

До 1942 года, когда леденящие душу слухи о массовых убийствах подтвердились, «Ойнег Шабес» во многом продолжала в Варшавском гетто дело YIVO — соби́рание («замлен» на идише) как национальную миссию, осуществляемую общими усилиями. Рингельблюм писал в очерке об архиве, что стремится изучить всевозможные аспекты жизни польских евреев во время войны. Тут не было мелочей, и ничем нельзя было пренебречь. Ни хорошим, ни плохим: взяточничество и моральное разложение соседствовали с порядочностью и самопожертвованием, протекционизм и классовый конфликт — с великодушием и взаимовыручкой. То, что евреи узнали о себе, после войны должно было помочь им восстановиться как общине, определить, кто из лидеров не справился с задачей, отдать должное стойкости своего народа, переосмыслить непростые, но важные отношения с соседями-поляками.

Рингельблюм полагал, что в архиве необходимо накапливать как можно больше сведений в реальном времени. Ведь в гетто жизнь менялась стремительно, и почти всегда к худшему. То, что еще сегодня казалось важным, завтра уже могло позабыться. Поэтому Рингельблюм настаивал, чтобы собиратели архива сосредоточились на происходящем здесь и сейчас, «работали не покладая рук» и писали «так, словно война уже завершилась»¹.

Рингельблюм хотел, чтобы архив вошел в микрокосм жизни гетто, в общину каждого двора, в каждый домовый комитет. Он стремился уловить пульс еврейской жизни, течение еврейского времени.

То, что попало в архив на первом этапе его формирования, оказалось бы безнадежно забыто, промедли Рингельблюм хотя бы полгода. «Реальное время» — это время, пока община еще жива, голоса не смолкли, шутки не притупились. Собрание еврейского фольклора Шимона Хубербанда, относящееся к самому началу оккупации, — анекдоты, мессианские упования, рассказы — основной пример того, как работал метод YIVO. Как и проведенное Перецем Опочиньским исследование одного-единственного двора, обитатели которого, простые евреи, похожие на персонажей довоенного романа на идише, сплетничали, переругивались, делились слухами и выживали как могли. Талантливый молодой поэт Владислав

¹ См. очерк Рингельблюма «Ойнег Шабес» в этом издании.

Шленгель, писавший по-польски, в стихотворении «Телефон» передал ощущение заброшенности и отчуждения, которое пережил в гетто: он не говорил на идише, в отличие от большинства евреев, но и соседи-поляки, люди одной с ним культуры, относились к нему неприязненно и ничем не помогали.

К середине лета 1941 года перипетии 1939-го и 1940-го могли показаться детской забавой. Жизнь в гетто становилась все тяжелее, и бесплатные столовые лишь ненадолго отсрочили голодную смерть тех, кому не на что было купить еду. Арке, персонаж Лейба Голдина отслеживает этот процесс час за часом, минута за минутой, — ожесточенную борьбу меж одержимостью голодом и не до конца исчезнувшим чувством человечности, сохранившимся в письменной речи. Голдин и Опочиньский писали вплоть до часа «Ч», то есть начала массового истребления; сочинения Хаима Каплана и рабби Калонимуса Шапиро отражают медленный переход от слухов к ужасной реальности, которая весной 1942 года поглощала всё больше и больше евреев. Каплан мучается из-за страшных вестей из Люблина, Шапиро объясняет ученикам, что в их страданиях нет их вины. Бог не наказывает их за грехи: Он скорбит вместе с ними. Сказал бы раввин из Пясечно это в 1939-м? Едва ли. Но к июлю 1942-го он уже понял, что стал очевидцем событий, не имевших precedентов в еврейской истории.

Когда в 1942 году началось массовое истребление евреев, в деятельности «Ойнег Шабес» на-

ступил переломный момент. Большинство участников группы погибли, а те, кто выжил и вернулся домой, не застал там никого из близких. Летом 1942 года Рингельблюму давалось с трудом каждое предложение, не то что очерк. Но каким-то чудом работа архива не прервалась. Горстка соратников Рингельблюма, затравленных, измученных, продолжала описывать высылки, собирала рассказы о концлагерях, переправляла сведения в Лондон и даже изучала травмированную и раздробленную еврейскую общину, уцелевшую в гетто после того, как в сентябре 1942 года завершилась первая волна депортаций. Осенью 1942-го Рингельблюм, восстановив душевное равновесие, искал ответы на мучительные вопросы. Были ли евреи-полицаи и агенты гестапо несущественным исключением из правил — или же следствием морального разложения, начавшегося в общине задолго до войны? И как, спрашивал Рингельблюм, немцам удалось отправить на смерть почти триста тысяч евреев — почему те не сопротивлялись?

Выжившие авторы «Ойнег Шабес» всматривались в бездну в поисках слов, способных передать то, что они видели и чувствовали. В «Вещах» Шленгеля описано, как неумолимо затягивается удавка, как сжимается пространство, как неуклонно нищают некогда состоятельные евреи — и как едут в последний путь в вагоне для скота. Когда 275 000 евреев отправляли в Трешлинку, Иешуа Перле оказался одним из «везунчиков», не подлежащих депортации, и получил номер 4580. Имена исчезли, остались лишь номера.

Горькая ирония, самобичевание, яростный гнев на юденрат, возмущение поведением соплеменников — все это слилось воедино в беспощадном монологе: автор явно знает, что угодил в ловушку, из которой выхода нет. В «Изкор, 1943 год» Рахель Ауэрбах ищет точные слова, чтобы описать не только убитых евреев, но и убитый город. И ей остается лишь обратиться к молитве из детских воспоминаний.

Перле. Ауэрбах. Опочиньский. Шленгель. Почему же прошло столько лет, прежде чем их перевели и прочли?

Одна из причин заключается в том, что после войны коллективную память еврейской общины о Холокосте куда больше интересовали духоподъемные рассказы о вооруженном сопротивлении или горестные рассказы о массовом мученичестве, чем подлинная история. И было отнюдь не легко иметь дело со сложным, изобиловавшим нюансами архивным наследием, пытавшимся передать еврейскую жизнь во всех ее хитросплетениях — такой, какой она и была. Большинство материалов, собранных «Ойнег Шабес», в ретроспективе казались чересчур прозаическими, или чересчур спорными, или неприемлемыми. Интерес YIVO к еврейской повседневности почти не находил отклика в послевоенном Израиле или Америке. Кому интересны бесплатные столовые, шутки, дворы Варшавского гетто? Кто хотел знать о ненависти одних евреев к другим или прочесть постыдную историю еврейской полиции в Варшавском гетто?

И если в материалах военного времени отразились гнев и злость, которые одни евреи питали к другим, после войны евреи предпочли забыть об этом и сосредоточить внимание на борцах. В Израиле, новом еврейском государстве, сложилась сага о еврейском сопротивлении в лесах и гетто — эта сага спасала честь еврейского народа и восстанавливала значимое звено в исторической цепи событий, приведшей от изгнания к независимости.

Несправедливо было бы утверждать, будто бы мужчины и женщины, входившие в «Ойнег Шабес», отказались от вооруженного сопротивления. Вовсе нет. И гордость за первые выстрелы в нацистов в январе 1943 года, столь драматично описанные в «Контратаке» Шленгеля, совершенно искренна. Действительно, в период с сентября 1942-го по апрель 1943-го настрой уцелевших варшавских евреев существенно изменился, появилась готовность к сопротивлению, и Рингельблюм писал об этом. Варшавское гетто оказалось единственным (из крупных), где простые обитатели поддерживали борцов. В Вильно и Белостоке такого не было. Без семисот пятидесяти с лишним бункеров, выстроенных «простыми евреями» в Варшавском гетто, вооруженное восстание подавили бы за день. Рингельблюм в последние месяцы жизни отдал должное памяти Мордехая Анеlevича, погибшего командира Еврейской боевой организации, равно как и доблести и отваге его заклятых политических врагов, ревизионистов из Еврейского воинского союза.

Тема сопротивления — лишь малая толика наследия «Ойнег Шабес». Если бы отыскался третий тайник, устроенный в апреле 1943 года, наверняка в нем обнаружались бы бесценные материалы о том, какие настроения владели евреями из Варшавского гетто, когда они готовились к решающему сражению. Но и несмотря на эту утрату, Рингельблюм и «Ойнег Шабес» помогают нам понять, сколько евреев на самом деле участвовало в вооруженном сопротивлении. Большинству евреев, даже признававших его героизм, этот путь представлялся неприемлемым, и не следует судить польских евреев лишь по тому, принимали они участие в боях или нет. Главное, о чем свидетельствует архив, — сопротивлением были и взаимопомощь, и бесплатные столовые, и нелегальные школы, и сам архив. И считать, что помнить следует только тех, кто участвовал в вооруженном сопротивлении — значит оказывать им медвежью услугу.

В «Изкор, 1943 год», написанном через несколько месяцев после восстания, Рахель Ауэрбах не упоминает вооруженное сопротивление. Она начинает с образа разрушительного горного потока, который неудержимо уносит растерянных жертв, и заканчивает молитвой за усопших. Она с уважением и сочувствием описывает общину, прекрасную в своем величии. Десятилетия спустя эту мысль наконец-то готовы услышать.